

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Бездна, полная звёзд...

Архангелогородская мечта, в чём она?

Архангелогородский мужик, он же всемирно известный учёный Михайло Васильевич Ломоносов вышел ночью из дома и взглянул на небо. Небо так поразило его, что он написал стих: “Открылась бездна, звезд полна. Звездам числа нет, бездне – дна”. Это чувство бесконечности и бездонности мира я отыскивал в душах сегодняшних архангелогородских людей, по природе своей степенных, разумных, осмотрительных. Но в каждом из них живёт ощущение бесконечности, бездонности мира, куда влечёт их таинственная сила, загадочная русская мечта.

На заводе “Севмаш” в Северодвинске, где строятся гигантские подводные лодки, архангелогородская душа устремляется в бездну Мирового океана, в бездонность пучины, отыскивая в этой бездонной работе среди ядерных реакторов и ракет своё таинственное божественное предназначение.

На карьере алмазов в Мезенском районе архангелогородский человек бурит землю, роет гигантский кратер, погружается в центр Земли, где ищет и находит алмазы. Бездонность Земли, куда вгрызается архангелогородец с грохотом стальных машин, дарит ему чудо, ибо алмазы – не только в звёздном небе, как писал о них Чехов, но бриллианты – в центре Земли, в центре души. Космодром Плесецк среди архангелогородских лесов – то место, откуда ракеты выходят в космическую бесконечность, в бездну мироздания. Там, на орбитах в ближнем или дальнем космосе, архангелогородский человек открывает волшебную звезду русского чуда.

В Каргополе, чудесном городке на берегу Онеги, мастер каргопольской игрушки лепил из глины сказочных зверей, волшебных наездников, чудесных коней и танцоров. И эти глиняные боги, которых он обжигал в печи и раскрашивал, открывали путь в бездонную глубину народных поверий, сказок, мечтаний о красоте, о гармонии людей и природы.

Архангелогородская мечта, в чём она?

Северодвинский завод “Севмаш” – государствообразующее предприятие. Несколько десятков подобных заводов, как столпы, на которые опирается государство, делают Россию страной-цивилизацией. Толстые листы металла режут, как в портняжных мастерских, выкраивая невиданных размеров костюмы. Заготовки гнут могучими прессами, из раскалённых печей выплывает мягкая, как мармелад, сталь. Её сваривают в кольца, просвечивают

рентгеновскими лучами. Весь завод во вспышках, мерцаниях, компьютерная система управления цехами, далёкий блеск реки, которая ждёт появления нового корабля — новой подводной махины, что мягко плюхнется в воды Двины. И этот шлепок будет услышан во всех мировых столицах, на базах чужих подлодок, в генеральных штабах НАТО. Сборочный цех похож на громадную оранжерею, где у пирсов в тусклых лучах солнца созревают фантастические плоды. Лодки прильнули одна к другой, похожие на громадные невиданные корнеплоды, которые созревают, набухают, наливаются соками, сосут электричество, пар, сжатый воздух. Наступит день, когда лопнет пуповина, соединяющая лодку с заводом. И громада во всей красоте, насыщенная электроникой, оптикой, акустическими системами, которыми, как щупальцами, она будет трогать океанское дно и витающий над океаном космос; эта лодка уйдёт, наполненная своей чудовищной ударной силой, с завода в российский военный флот.

Директор завода, Михаил Анатольевич Будниченко, радуясь неиссякаемому оборонному заказу, полной загрузке завода, притоку молодых мастеров и рабочих, увлечённости инженеров, объясняет мне мировоззрение кораблестроителей-северодвинцев. Труд, который здесь совершается, гигантский, богатырский, под силу только особым людям, особому народу. Результаты труда прекрасны и грандиозны. Каждая спущенная на воду лодка меняет контур мира, влияет на поведение стран, на судьбы континентов, разносит по миру русскую идею не в меньшей степени, чем прежде разносили её Достоевский и Чехов. Завод подводных лодок есть инструмент управления историей. Сюда, на завод, съезжаются со всей России лучшие умы, подлинные умельцы, носители огромных знаний. Эти сгустки интеллекта сопутствуют появлению каждой лодки. Эту лодку рождает вся Россия, все её КБ и заводы, лаборатории и исследовательские центры. Вся Россия — матка, которая рождает на свет это громадное стальное дитя. Лодка порождает в народе то, что зовётся общим делом. Эту лодку строит весь народ. Даже скромная учительница в маленькой сельской школе. Эта лодка — и её достижение. Её ученики трудятся в недрах лодки, устанавливая в ней ядерный реактор, ракетные установки. Русские люди, где бы ни настагала их весть о спуске на воду очередной «Борея», укрепляются духом, преодолевают уныние, это внушает им мысль, что Россия — могучая, непобедимая — одолеет все невзгоды и трудности.

Директор говорит мне о своих великих предшественниках, которые строили, укрепляли завод, способствовали созданию нескольких поколений подводных лодок, тех, что наводнили Мировой океан, останавливая своим присутствием безумные замыслы супостата.

И среди этих директоров имя одного особенно драгоценно, окружено почитанием. Давид Гусейнович Пашаев. На его директорские плечи рухнула перестройка, пришёлся крах великой страны; разгулялись чёрные силы, уничтожавшие отечественную оборону. Завод с недостроенной лодкой «Бореем» отключили от финансирования, полгода люди не получали зарплату, одни разбежались, другие угрюмо и праведно продолжали трудиться, приводили на завод свои голодные семьи, и Пашаев в рабочей столовой бесплатно кормил их жён и детей. Слабые духом инженеры уходили с завода, искали себе приют в автосервисах, в мелком бизнесе, другие, сжав челюсти, делали всё, чтобы стоящий у пирса кокон питался электричеством и теплом, чтобы в нём продолжала теплиться жизнь. И завод не погиб, не умер. На завод приезжали Ельцин, Чубайс, требуя закрыть предприятие. А в это время по соседству работали привезённые из Америки гильотины, на которых рубились и рассекались русские подводные лодки: их резали, как колбасу, в угоду предателям. Офицеры, ходившие на этих лодках в Атлантику, к Флориде или мысу Доброй Надежды, стрелялись от тоски и несчастья. Пашаев тянул время, хитрил, уклонялся от угроз, зная, что настанет миг, когда убиваемое государство воскреснет, и тогда лодка, наполненная силой и мощью, уйдёт с завода, а государство Российское скажет всему миру, что оно есть и живо, и снова идёт в океаны.

Завод построен до войны на болотах, где находился Николо-Корельский монастырь. Своей тяжестью он раздавил монастырь, снёс его трапезные, кельи и стены. Но остался один-единственный храм — Никольский собор, который десятилетиями пребывал в руинах. И теперь завод воскрешает его. Позолотил купол, покрыл синевой главы, возвёл дивной красоты иконостас.

Здесь, на территории секретного завода, служит священник, освящает уходящие в море лодки, собирает на богомолье рабочих и инженеров. Завод стал продолжением монастыря. Молитвенные силы безвестных монахов, силы поруганного алтаря продолжали питать завод, тайно хранили его, и сегодняшние гигантские лодки “Бореи”, носящие имена русских святых князей, подобны скитам, которые посылаются монастырём в океанские глубины. А экипаж моряков подобен монашескому братству.

Архангельские алмазы найдены в Мезенском районе. Молодая земля исходила газами, кипела, бушевала огнями, углерод поднимался из недр к поверхности, его забирали толщи пород и не выпускали наружу. Уголь оставался в ловушке, под воздействием гигантского давления и высочайших температур, под воздействием огня и сжатия превращался в алмаз. Превращение угля в алмаз есть любимая метафора поэтов и художников, говорящих, как тьма превращается в свет, а уныние – в ликование и радость.

Карьер, на полкилометра уходящий в глубь земли, своими спиралями напоминает Вавилонскую башню, погружённую в центр земли своей вершиной. По этим спиральным дорогам вверх и вниз движутся тяжеловесные “БелАЗы”. Внизу, на самом дне, работают экскаваторы, бульдозеры, дробильные машины. Карьер в легкой золотистой дымке, живой, дышащий, являет собой грандиозную машину, в которую вживлены тысячи механизмов, насосов, двигателей. За карьером следят компьютеры, его ритмы, биения укладываются в стройную цифровую систему. Люди, подчиняясь этой цифровой системе, медленно и упорно погружаются вглубь. И насосы по всему периметру огромного карьера отсасывают грунтовые воды, не давая им пролиться в бездонную чашу. Другие насосы подхватывают прорвавшуюся в карьер воду и выбрасывают её на поверхность. Иногда подземная река прорывает стены карьера, и тогда люди бросаются заделывать пробоину, как матросы заделывают пробоину в борту корабля. Людей почти не видно среди этих тяжелогрузных машин и скрежещущих, рвущих землю экскаваторов и бульдозеров.

Один из экскаваторщиков спустился ко мне из вышенной кабины, оставив свою машину, напоминающую чудовищного робота из фильма “Матрица”. Я спросил его, как он управляется с этой жестокой, страшной громадой, способной рвать земную породу. Он сказал, что громада его не жестокая, а живая, она нуждается в ласке. Он разговаривает с ней, а она разговаривает с ним. Он дал ей ласковое женское имя. Эта одухотворённая человеком машина, двигаясь к центру Земли, подвигает человека к чему-то загадочному и чудесному. “Один “БелАЗ” – один алмаз”, – говорят на карьере.

Груда извлечённой из земли породы на обогатительной фабрике дробится, сепарируется. И из неё путём бесчисленных усилий, превращений, с помощью лазерных лучей выхватывается драгоценный камень. И вот они, сверкающие алмазы, лежат передо мной, и от них нельзя оторваться, от их голубого или золотистого свечения. Они обладают таинственной магией. И жизнь карьера с его чудовищными машинами не кончается здесь, посреди обогатительной фабрики. Эти драгоценные сияющие горсти отправляются к искусным гранильщикам, из них сотворяют бриллианты. И эти бриллианты, расходясь по всему миру, живут особой, загадочной и таинственной жизнью. Во имя этих камней совершаются злодеяния, они служат подарками для властителей мира, они сверкают на дамах среди роскошных приёмов и раутов. И архангельский бульдозерист или экскаваторщик своим тяжким трудом, прорываясь в недра земли, выносит на поверхность эти драгоценные сверкающие звёзды, которые продолжают своё подземное существование среди земных превращений.

Инженер, ведающая обогащением алмазов, рассказала мне, что она на время покинула предприятие и ушла на другую работу, но алмазы влекли её обратно своей таинственной силой. И она вновь вернулась на этот карьер, где люди работают и живут в вахтовом посёлке, вдалеке от своих домов.

Архангельские алмазы, которые архангелогородский человек находит в глубинах земли, подобны русской мечте.

Я стою на дороге, подо мной – асфальт, с обеих сторон – стена леса, на обочине – лесные цветы. И не скажешь, что эти цветы, лес, пролетевшая птица – огромный, скрытый от глаз противника космодром Плесецк, и эта

часть архангелогородской земли испещрена бетонными шоссевыми трассами, железными дорогами. Они ведут к огромным бетонным чашам – стартовым столам, откуда взмывают ракеты. Множество систем наблюдения, связи, скрытые лаборатории, контрольно-измерительные пункты, ангары, куда с заводов прибывают испытываемые ракеты. Всё это дышит, живёт. И внезапно начинает содрогаться земля, озаряется небо, и в звоне, грохоте, медленно отрываясь от земли, преодолевая гравитацию, уходит в небо ракета. Видны кинжалы пламени, сопла, в которых бушует кипящая плазма. Ракета удаляется, превращаясь в крохотную звёздочку, гаснет, оставляя в тучах прозрачную радугу. По этой дороге, на которой я стою, десятилетиями проходили ракеты, одна за другой, менялись их размеры, дальности, мощность, они вставали на дежурство, потом, отжив свой срок, исчезали, сменялись другими. Календарь, исчислявший дни и месяцы появлявшихся здесь ракет, исчислял историческое время нарастания и убывания мировых угроз, встречи мировых правителей, мучительные переговоры по разоружению, их срыв и новую гонку. Как по древесным кольцам спиленного дерева можно судить о возрасте берёзы или сосны, о благоприятных или неблагоприятных годах, в которые возрастало дерево, так и по ритмам проезжавших здесь ракет можно судить об историческом времени, в котором Россия в великом напряжении сил продлевает своё существование. Ракетчики-испытатели – люди верующие. Каждый пуск окружён множеством им одним известных тайн, примет, добрых или недобрых знамений. Они никогда не произведут пуск в тот день, когда много лет назад на другом полигоне взорвалась ракета и унесла жизни множества испытателей во главе с легендарным маршалом Неделиным. Они боятся повторения трагедии. Они не допустят, чтобы на пуск пришёл злой, рассерженный, брюзжащий на жизнь человек, ибо у него дурной глаз, и он может сглазить пуск, на который потрачено столько сил и надежд.

Когда много лет назад меня привёз на космодром Плесецк маршал Толубко, привёл на смотровую площадку, откуда наблюдали пуск, я увидел множество внутренне напряжённых, исполненных ожидания людей: генерального конструктора, главных конструкторов, представителей завода-изготовителя, специалистов по телеметрии, навигации, генералов и адмиралов. Все они воззрились на меня с недовольством, видя во мне лишнего, случайного пришельца, появление которого могло помешать предстоящему пуску. Но когда с деревянной веранды мы увидели, как в ночных лесах полыхнуло зарево, и ракета, раздувая огонь по стартовому столу, пошла ввысь, исчезла в ночном небе среди множества звёзд, и телеметрия по громкой связи говорила нам, что произведена отсечка двигателя, что сброшена первая, вторая ступени, и ракета, выйдя на баллистическую кривую, летит над северной Россией, готовая приземлиться на Камчатском полигоне и ударить, как говорят ракетчики, прямо “в кол”, когда всё это случилось, присутствующие здесь военные, разработчики-испытатели увидели во мне человека, принёсшего им счастье. Они кинулись ко мне, начали подбрасывать вверх. А один оторвал у меня на память пуговицу как приносящий успех талисман.

Каргополь – чудесный городок на юге Архангельской области. Когда-то здесь торговали купцы, гуляли толстосумы, строились храмы и каменные палаты, писались дивные иконы. Железная дорога прошла мимо, и Каргополь стал захолустьем. Но тем изумительным русским захолустьем, где живут очаровательные русские люди: учителя, краеведы, знатоки старых ремёсел. В окрестностях, в опустелых деревнях появляются доброхоты, которые начинают возрождать обряды, воскрешать песни, ремонтировать деревянные храмы. Складываются общины, и их любовь к родной старине не просто затея, не просто дань фольклорной моде. Они прорываются сквозь грохочущий железный век к возвышенной хрупкой красоте деревенской культуры – той, о которой Василий Иванович Белов написал свою чудесную книгу “Лад”, архангелогородский неповторимый писатель Владимир Личутин сотворил волшебную книгу “Душа неизъяснимая”. Эти люди ищут ключ к сокровенной огромной тайне, к бездонной божественной красоте, среди которой жил по деревням и сёлам русский народ. Они ищут ключ, с помощью которого раскрываются врата в сказочный мир, где домашняя утварь, или народный наряд, или песня, или крестьянская примета объясняют людям, что мир, в котором они живут, божественен. Природа, среди которой они возрастают и умирают, божественна.

И когда ты поёшь в народном хоре длинные, бесконечно долгие северные песни, вокруг тебя сплетают свои голоса с твоим одиноким голосом синеокие люди, ты вдруг ощущаешь, что становишься бесплотным, отрываешься от земли. И душа твоя, обнявшись с другими душами близких и обожаемых тобой людей, уносится в бесконечность и, озарённая, исполненная любви и ликования, смотрит на этот грешный мир, видя в нём одну красоту.

В глухой деревне, где стоят пустые архангелогородские огромные избы, я видел храм, весь в лесах, на которых стучали мастерками каменщики. Ко мне подошёл скромно одетый пожилой человек с чудесным лицом. Это он, пенсионер Юрий Александрович Тишинин, приехавший из Северодвинска в деревню, на свои пенсионные крохи восстанавливает деревенскую церковь. Люди, следуя его примеру, складывают свои копейки, и храм перестаёт осыпаться, медленно обретает вторую жизнь. Этот человек работал на Северодвинском заводе и строил подводные корабли. Эту церковь он тоже называет кораблём. Укрепляет её стены, кровлю, утверждает высокий крест, который, как он говорит, является системой навигации корабля. Правит корабль прямо к Царствию Небесному.

В Каргополе народный художник Валентин Дмитриевич Шевелёв лепит знаменитые каргопольские игрушки. Краса неопишуемая, трогательная, наивная. Я неотрывно смотрел, как в его руках рождается маленький глиняный божок. Он признался мне, что, когда лепит игрушку, его душа молодеет. Он вспоминает родную деревню, родичей, родной огород, поле, синеву льнов. Вспоминает, как помогал отцу метать стог сена. И его душа утешается, ему хочется, чтобы кругом него все дружили: человек с человеком, деревня с деревней, город с городом, народ с народом. Эти наивные игрушки, которые так драгоценны среди стальных электронных машин, обращают наши сердца к сокровенному и родному, что во все времена будет вдохновлять русских художников, архитекторов, музыкантов на создание изумительной музыки, как Стравинского в его “Весне священной”, как Рериха или Андрея Тарковского в их описаниях русского язычества. Архангелогородская мечта, что она? Как сливается с единой русской мечтой?

На космодроме Плесецк после тяжёлого рабочего дня я выступал в Доме офицеров перед военными испытателями. И этим суровым, твёрдым, утомлённым работой людям я рассказывал о русской мечте, боялся, что останусь непонятым, что зал равнодушно, с недоумением будет слушать мои романтические постулаты. Но когда я закончил, зал поразил меня множеством глубоких размышлений о смысле русской жизни, о предназначении русского человека, о русской мечте. Один из офицеров спросил меня, что думаю я о книге Даниила Андреева “Роза Мира”. Эта мистическая книга была написана Андреевым во Владимирском центре, в одиночной камере и явилась его сказочным учением об устройстве мира, о месте в этом мире России. Он мечтал не об избавлении, не о скором выходе на свободу – он писал книгу “Роза Мира”, и она была его мечтой. Русская мечта и есть Роза Мира, которая наполняет мироздание своей любовью, красотой, великой одухотворённой бесконечностью. И, глядя на загорелое синеглазое лицо офицера, я вдруг подумал, что он со своим личным поиском, устремлением в бесконечность, в бескрайнюю русскую даль, что он и есть Роза Мира, он и есть архангелогородская русская мечта.

РАБОТАТЬ И НЕ СОМНЕВАТЬСЯ

Беседуют Александр Проханов и губернатор Архангельской области Игорь Орлов

– Игорь Анатольевич, я проехал по вашей губернии. Чудесный край! Здесь у вас алмазы, на “Севмаше” “Борей” за “Бореем” строите, выполняя госзаказ, космодром Плесецк ракеты пускает. И наконец, у вас потрясающее население. Какая губерния может похвалиться таким богатством? Думаю, Вам как главе и волноваться не о чем – Вы живёте среди сгустков цивилизации. А что Вас всё-таки занимает сейчас, какие задачи стоят и проблемы волнуют?

– Вы, Александр Андреевич, совершенно верно отметили наши жемчужины Севера. Действительно, здесь самые настоящие богатства-бриллианты

рассыпаны. И вы назвали индустриальные глыбы, которые являются достоянием всей страны, да и не будет преувеличением сказать – всего мира! Наш космодром Плесецк... Какая ещё губерния может похвастаться тем, что на её территории расположен космодром?! Да и в целом мире таких мест – единицы. А космос – это целый мир, и мы помогаем человеку к нему приблизиться.

Особо хочется сказать и о Северодвинске, заводе “Севмаш”. Ведь его продукция, подводные лодки – это шедевры, ничего подобного в мире нет. Не случайно к этому предприятию такое внимание и у руководства страны. Президент Владимир Путин приезжал на “Севмаш”, встречался с коллективом и отмечал их неоценимый вклад в обороноспособность нашей страны.

Надо подчеркнуть, что наша земля издавна была нацелена на высокую, важную государственную миссию. Не побоюсь пафоса и скажу, что именно здесь нашими предками формировалась и решалась супергосударственная задача, когда они на кочах, на карбасах осваивали всё северное побережье матушки-земли всей нашей Сибири и привязали эту территорию к России! Где по воде, где вдоль по берегу... Северные экспедиции Семёна Дежнёва и многих других дошли до самых дальних точек, поставив наш православный крест и обозначив таким образом, что это территория России. Новая Земля, Земля Франца-Иосифа... А наш Ломоносов, величие его открытий?! А удивительная судьба наших предков, которые создавали такие уникальные культурные духовные объекты, как Соловки, Антониево-Сийский монастырь, Артемиево-Веркольский монастырь, комплекс храмов в Кенозерье. Строительство государственного флота началось здесь 325 лет назад. И всё это здесь, на Севере.

Это земля с большим внутренним духом, и потому требует большой ответственности перед ней. Необходимо соответствовать тому, что дано тебе в управление, доверено президентом и людьми. Я очень счастливый и очень богатый человек, поскольку мне дано не только это всё видеть и находиться во главе такого региона, но ещё и участвовать в его преобразении, где-то даже и в становлении. И это возможно только с верой в Бога и в Отечество.

– В чём состоит модернизационный проект губернии? Я не случайно, говоря о ней, назвал Плесецк, “Севмаш”. Чего их модернизировать? Они и есть – модерн!

– Модернизация – это не совсем верное слово, Александр Андреевич. Модернизация – это совершенствование того, что есть. Но если мы остановимся только на некоем совершенствовании, на достройке и модернизации, то прорыва не будет. А нам нужно рвануть дальше. И рвануть в целом ряде решений, которых никто, может быть, сегодня и предположить не может.

Например, сегодня самое главное – инфраструктура. А мы до сих пор пользуемся инфраструктурой, созданной даже не в двадцатом, а в девятнадцатом веке или задуманной тогда. Дороги железные, автомобильные, водные пути... Охватить сеть коммуникаций арктические просторы очень непросто. Но остро необходимо. И не случайно вопрос с созданием магистральных инфраструктурных объектов поставлен во главу угла, в том числе в стратегии пространственного развития и в указах президента Владимира Владимировича Путина.

А помимо прикладных вещей, задуманы и стратегические. И речь уже идёт не о модернизации, а о следующем шаге в эволюции, в развитии. Задача – шагнуть в суперсовременную инфраструктуру. Мы не можем остаться в стороне от новых железнодорожных и водных магистралей как внутри страны, так и за её пределами. Поэтому речь идёт о создании порта. Причём порта современного, высокоавтоматизированного – целого роботизированного комплекса, который и в условиях Севера позволит нам, несмотря ни на что, конкурировать. Надо учитывать, что в таких условиях затраты достаточно высоки, а автоматизация и роботизация позволит организовать работу на новом уровне.

– Порт – это ваша надежда?

– Я технократ и многие вещи оцениваю и просчитываю не только с точки зрения эмоций, но и с рациональной, прикладной стороны. Посмотрите: Артемиево-Веркольский монастырь строили Бог знает где! Это вверх по реке Пинеге. Даже сегодня там такой объект тяжело построить. А как vezём кирпич туда? По воде – самый дешёвый и экономичный способ. И когда мы говорим о перевалке огромного количества грузов из Европы в Азию, то как нужно идти? Северным морским путём. А чтобы он функционировал, ему нужны точки

опоры. Для морского пути такими точками являются порты, привязанные к тем или иным пунктам. Одна из таких точек – Архангельск.

– **Я был на Ямале, в Сабетте, и мы с губернатором Дмитрием Андреевичем Артюховым говорили об арктическом проекте. Перед ними стоит колоссальная инфраструктурная задача – провести две ветки железной дороги – с одной и с другой стороны, соединить мостом, вывести вертикаль к посёлку Сабетте, сделать его мощным перевалочным пунктом, через который пойдут грузы как с Северного Урала, так и со стороны Красноярска. А какие грузы будет переваливать ваш порт?**

– Работы ему хватит. К примеру, при строительстве завода СПГ (его инфраструктуры, дорог) металлические конструкции, трубы, укладываемые на дно специальные покрытия поступали из Архангельска. Потому что порт Архангельска является ближайшим от Сабетты портом, дающим доступ к европейским ресурсам России: промышленным, индустриальным, интеллектуальным, сервисным.

– **Мурманск и Архангельск.**

– У Мурманска своя миссия. Оборона, Северный флот, транспортная логистика по морю в сторону Европы – это его функции. У каждого – своя миссия. Наша миссия называется “сервис обслуживания”. Что это значит? К примеру, нужны лучшие медики. Пожалуйста, Архангельск. Лучшие инженеры – тоже Архангельск. Нужны лучшие компании, чтобы обеспечить функционирование сложных объектов на море (платформ, например) либо в сложных северных широтах – опять-таки Архангельск. Доставка грузов – тоже. И так далее.

Мы говорили про Северный морской путь, он важен, но в транспортной логистике это ещё не всё. Посмотрите: чтобы долететь из Европы в Азию, нужно сначала по земному шару подняться вверх по короткому пути, сместиться в другую широтную точку и затем опуститься вниз. Это самый экономичный путь не только для морских передвижений, но и для авиационных. Это другая транспортная логистика. И мы сегодня ставим вопрос о том, что в Архангельской области должен быть и авиационный кластер. У нас есть три готовых аэропорта; один – не в лучшем состоянии, а два других – современные супераэропорты с самыми длинными полосами, хорошо откоординированные, отработанные.

Следующий путь, это, конечно же, путь водный. Я очень надеюсь, что эволюционный тренд, который сегодня намечен и развивается, движется, он вернёт к активной жизни и работе транспорт – и водный, и речной. Это опять-таки самый дешёвый, самый быстрый и самый экономически состоятельный транспорт, и он возродит наши водные магистрали. А водные магистрали – это объективная реальность. И не надо забывать, что развивается та точка, которая находится в узле логистических цепочек. Надо создавать узел по разным направлениям.

Причём в сегодняшней реальности, например, встанет вопрос о передаче информации. Каким образом она будет передаваться? Чтобы передать её, допустим, из одной точки земного шара в другую, шлешь обычными нашими путями через Владимир, Казань, по трассе БАМ... Это – одно количество передаточных станций... А если подняться повыше, количество передающих станций будет существенно меньше. И оптоволокна тоже нужно меньше.

– **По кромке океана?**

– Конечно. Да сегодня и в океане можно подводный кабель проложить. И это будет дешевле, короче и защищённее.

– **Это вклад Архангельской губернии в общерусскую, общероссийскую чашу.**

– В развитие страны и мира.

– **Да, этого от вас ждут, и не сомневаюсь, эти ожидания вы оправдаете, прикладывая все возможные усилия. Но мне кажется, что Архангельская губерния обладает ещё и определёнными драгоценными свойствами, которые так необходимы сегодняшней России. Согласитесь, вопрос логистики мы всё-таки решим. Уберём из этой сферы идиотов, дураков, воров, бездельников. Мы решим технологические проблемы, России сейчас по плечу любые технологические задачи. А вот как использовать ту таинственную архангелогородскую энергию, красоту, загадочность, стремление, что и создало Русский Север, сделало**

его неповторимым? Русский Север, конечно, создавался и флотом, и карбасами. Но он создавался ещё и музыкой души северного человека. Мне кажется, что архангельский человек, он как никакой другой обладает стремлением к бесконечности, к внедрению человека в загадочное, неопишное, ещё неосуществлённое. Может быть, это мой поэтический, метафорический взгляд, но что такое, к примеру, “Севмаш”? Это карбасы, которые уходят в пучину Мирового океана и создают там новую военно-политическую, духовную цивилизацию. А поскольку на месте, где построен завод, стоял монастырь, и там ещё кусочек монастыря остался, то в каком-то смысле монастырь строит эти лодки, и в каком-то смысле они – это сегодняшние русские монастыри, которые уходят туда, в бездну вод, бездонность вод, и сам северный человек уходит в ту бездонность. У этих лодок и имена-то княжеские, святые...

– Не могу не согласиться. Вы в силу художественности, умения изложить всё поэтическим языком, возвращаете меня к мыслям, что меня то и дело посещают. Я много езжу по области и, стоя на высоких берегах Печоры, Пинеги, Северной Двины, ясно понимаю, что только здесь рождается уникальное мироощущение, создающее и великих людей, которые потом становятся бесценным богатством всей человеческой цивилизации в целом. Абсолютно с Вами согласен, что этот полёт, порыв, желание творить что-то за пределами классических человеческих рамок, которые ограничены стенами (даже столиц), он рождается здесь. Вот был я в селе Верколе, родине знаменитого деревенщика Фёдора Абрамова. Он и сегодня ещё до конца не познан, не исследован, его “Чистая книга” иначе заставляет думать. И с высокого речного берега смотришь на другой берег, где в таком же сплошном лесу высится купола храма Артемия Веркольского. И это соединение мироздания божественного и естественного, человеческого, жажда научного познания приводят к появлению великих личностей, к великим человеческим прорывам.

– **И само по себе то, что мы с Вами обсуждаем, загадка, загадочное явление.**

– Это – загадка для тех, кто не знает русских. Для русского, который видел просторы Волги и чудесную бесконечность наших лесов, это среда обитания. Когда говорят: что такое загадочная русская душа? А душа, она этими просторами и отсутствием границ мироздания как раз и рождена. У нас нет границ через каждые сто километров: и через сто километров – наша земля, и через двести, и через пятьсот – наша. Всё наше. Территория Архангельской области – чуть больше территории Франции. Я в Армении разговаривал с новым руководством страны, рассказал о губернии, они обратили внимание: наша территория в двадцать раз больше Армении. Многие государства даже представить себе не могут таких просторов. А мы в этой огромной среде и бесконечности – живём. Потому у нас любое творчество – безбрежно.

– **Одному офицеру-пограничнику я говорю: “Ты знаешь, где кончается граница России?” Он на меня посмотрел, как на наглеца: что он, пограничник, может этого не знать. Я говорю: “Граница России кончается там, где начинается Царствие Небесное”. Как только кончается граница России – сразу же начинается Царствие Небесное. Поэтому русская душа и русская жизнь – такая таинственная, странная, иногда страшная... Но, по существу, вся наполненная святостью. И архангельская земля, поскольку она граничит с Царствием Небесным, именно такая: таинственная, мистическая... И Россия всегда смотрела на поморов, на северян с чувством какого-то обожания и даже с лёгкой завистью.**

– Наверное, действительно здесь начинается граница Царствия Небесного. Потому что для каждого, кто здесь жил, воплощение жизни было в тех храмах, которые здесь строились. А мир заканчивался там, где установлен крест – на куполе и колокольне этого храма. И там сразу – уже совсем иной мир, тот самый, божественный, к которому мы все стремимся. А землю здесь, огромные пространства архангельской земли купол небес держит. Это тоже очень символично. Ведь “раскачивание” Руси началось тогда, когда деревянные храмы (а ими славен наш Север), которых было огромное количество, порушили. И в итоге самое главное, что было, – устойчивость небесной сферы, нашей границы с Царствием Небесным, – начала рушиться.

Но сейчас очень много восстанавливается. За шесть лет моей работы в губернии множество мест в Архангельской области преобразилось. Возрождаются

удивительные Соловки, идёт воссоздание монастыря Артемия Веркольского, ведётся строительство Михаило-Архангельского собора в Архангельске. И это является формированием устойчивых конструкций под всё наше русское мироздание. А на Севере это особо ценно, поскольку здесь всегда особые условия: и дух другой, и небо гораздо ближе. И, слава Богу, идёт возрождение не только храмов и церквей.

– Я размышляю о том, что такое русская мечта. Все народы – мечтатели. Любые народы: ненцы (я был на Ямале и с ненцами в чуме говорил об этом), немцы с их великой мечтой “дранг нах остен” – мечтатели. Американцы сформулировали свою национальную мечту как “град на холме”. Это их доктрина. “Град на холме” – это идея величия и господства. Китайцы в свой последний партийный документ внесли китайскую мечту наряду с Великим шёлковым путем.

А русская мечта? Я пришёл к выводу, что русская мечта – это храм на холме. Мы этот холм насыпаем с древнейших времён и своими костями, и своими слезами, и своими победами, и своими свадьбами. Вся наша история – это насыпание нашего холма. А его венчает храм – чтобы коснуться Царствия Небесного и чтобы через это касание пролилась божественная красота.

– Наверное, символически это действительно так. И я бы говорил даже не об одном храме, а о монастыре. Монастырь имеет несколько храмов и стену крепостную. Но в то же время он всегда открыт для людей. В монастырях – храмы разных святых и даже разных эпох. Это точки опоры. И потому по-разному можно прийти к истине: через вероисповедание и почитание этого святого, того или другого...

– Монастырь ещё интересен тем, что там внутри – особый тип общества. Вспомним, что патриарх Никон хотел превратить Россию в огромный монастырь, где все люди были бы братья, чтобы не имели стяжания.

– Никон был педант. Он все книги решил переписать в одном стиле и в одном изложении, чем и вызвал раскол. Но, наверное, это действительно очень символично. В любом случае, в нашей душе существует храм: храм души, храм веры, храм как некая защитная функция – это храм силы. И когда это всё объединяется в единый комплекс, образуется единство. Когда мы говорим об олицетворении нашего мироздания, у меня в душе возникает образ Соловков. Ведь если мерить экономическими, логистическими, индустриальными мерками, на Соловках храма не может быть по одной простой причине: этому ничего там не соответствует.

В суровейших климатических условиях, на острове, в такой дали построить! Даже сегодня, когда стоит вопрос о том, чтобы построить новое жилое здание на Соловках, вообще никакая экономика не срабатывает! Никакие конкурсы невозможно проводить. Потому что цена всё равно будет существенно больше, чем на материке. И этот комплекс – монастырь со всей его внутренней жизнью и способностью противостоять любым внешним угрозам: природным, военным, идеологическим, – это твердыня, он действительно является символом духа. Я с Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом о Соловках говорил, и он сказал, что это для русских больше, чем Афон. Это для русских абсолютный символ русскости, духовности.

И то, что потом являлось опорой и силой Руси, начиналось отсюда, с Севера. Строгановы с Сольвычегорска, Ломоносов, флот... Пётр Первый трижды здесь был.

– **Орлов Игорь Анатольевич – северянин...**

– Я уже давно себя считаю северянином. Когда я выхожу на Красную Горку в Пинеге и смотрю на окрестности, щемит по-настоящему от гордости и величия.

– **Я был под Дебальцево, видел там киевские самоходные установки, оплавленные от ударов “Ураганов” наших ополченцев. Дебальцево – тоже родное слово для Вас.**

– Не представляете, Александр Андреевич, как щемило, когда я видел в родном моём городе Дебальцево мою школу, куда несколько раз попадали снаряды. Но это другая боль. Мы помогали школу восстановить.

Вот Вы говорите про русскую мечту. У нас в Пинеге есть санаторий “Голубино”. Но там был лишь сожжённый до основания Дом отдыха, который стал местом свободного отдыха и давно потерял статус. И вот две девушки

(одна в Пинеге родилась, другая москвичка – они замужем за братьями из Пинеги) возродили Голубино! И уже у них планы облагородить саму Пинегу: здание построить, создать новые маршруты по заповеднику, принять участие в возрождении монастыря на Красной Горке. Вот как видят русскую мечту такие молодые девчонки? Совершенно уникальный взгляд у них, думаю. Молодое поколение мы иногда ругаем. Но они являются одним из символов нашей будущей русской мечты, они оправдают все наши надежды.

– **Дай Бог.**

ГЛИНЯНЫЕ БОГИ

Беседуют Александр Проханов и народный мастер, заслуженный художник России Валентин Шевелёв

– **Валентин Дмитриевич, невозможно налюбоваться на ваши чудесные глиняные игрушки, на божков каргопольских. Я ещё застал легендарную мастерицу глиняных игрушек Ульяну Бабкину, которая, наверное, оставалась последней носительницей тайны каргопольской игрушки. А после её смерти игрушка как бы окончательно исчезла, или всё-таки удалось её подхватить?**

– Александр Андреевич, здесь, в Каргополе, открыли мастерскую “Беломорские узоры”, руководил ею Александр Петрович Шевелёв. Он продолжил традицию создания каргопольской игрушки. Ульяна Бабкина жила в деревне Гринёво, а в трёх-четырёх километрах находится деревня Токарёво, и это был как бы “куст” производства игрушки и гончарного дела. И после того, как Александр Петрович открыл мастерскую, к нему пошли старые мастера, надомники работали. То есть дело подхватили. Игрушки много стало, она пошла по всей России, по всем мастерам. А потом, когда Александр Петрович ушёл, мастерская немножко отклонилась от традиции. И администрация города Каргополь открыла центр народных ремёсел “Берегиня”, где работают мастера, продолжают традиции и по цвету игрушки, и по материалу.

Александр Петрович позвал сотрудничать с его мастерской и моих родителей, которые в деревне Токарёво раньше делали игрушку и посуду. Ну, а потом и я это дело перенял.

– **У каргопольской глиняной игрушки тонкая неповторимая эстетика. Значит, нужно иметь чутьё и чувство особой красоты, чтобы у коняшки были ножки вот такие, чтобы так загнувочек у неё был загнут, чтобы был такой вот китоврас. Это же, по существу, настоящая скульптура. Я люблю, восхищаюсь этой игрушкой. Мне кажется, все детские игрушки имеют своё происхождение от языческих, древних богов, и когда кончилось поклонение взрослых, то это перепоручили детям. И дети, играя, в каком-то смысле являются язычниками.**

– Да, конечно.

– **Дети всё тонко чувствуют: и солнце, и природу, и звук, и красоту. И эти игрушки для них – как бы напоминание о том мире, откуда мы все взялись. А когда вы делаете игрушки, какие у вас переживания бывают?**

– Я вспоминаю своё детство, деревню: какие были там ставни у домов, какую одежду носили, какие люди жили...

– **Такую игрушку делать – удовольствие?**

– Разумеется. Потому что, во-первых, рука соприкасается с землёй, которая кормит, даёт энергию. Раньше ходили босиком, сейчас босиком не ходят, и вот через руки, через глину передаётся энергия земли и солнца. И возникают эмоции о жизни, о добре, забывается всё ненастное, оно уходит. Когда люди делают игрушку, то становятся добрее. У меня много учеников – и в живописи, и в игрушке. И я это вижу – как игрушка преобразует.

– **Вы создаёте какие-то новые формы, или ваши игрушки имеют канонические формы, которые вы не нарушаете?**

– Формы можно создавать другие, но на основе приёмов работы, традиций, потому что каргопольская глина требует особых приёмов. В зависимости от материала получается и игрушка: дымковская, филимоновская... Все они – разные. Если возьмёте глину в руки, сами почувствуете. Смотреть – это одно дело, а когда сам человек потрогает глину, то он почувствует, что это действительно земля русская.

– Когда мы поклоняемся матери-земле, солнцу и воде – это же в какой-то степени язычество, это своеобразное поклонение. И когда вы делаете игрушку, вы не просто скульптор. Для вас это – не просто забава, а в некотором смысле даже вероисповедание.

– Да. К примеру, есть игрушка Берегиня. А вообще эта фигурка – крестьянка с птицами, и это уже как бы новая форма. Должно идти развитие игрушки, она же появлялась не просто так, а в связи с чем-то. Что в деревне делали с игрушкой? Она не для игры как таковой создавалась. Игрушки знакомили с деревней, с бытом. Например, игрушка конь – это знакомство с животными. Когда я приезжал в деревню, дед давал мне глиняного коня и говорил: “Вот тебе игрушка, играй, большой вырастешь, своего купишь”. Я, конечно, так и не купил коня, но об этом помню. “Береги”, – говорил. Так что игрушка не для игры была, для других целей. Например, весной делали большую Берегиню и говорили, что шляпочка на ней – это солнце, птица в руках – небо, а сама кукла – это мать-сыра земля.

Я со слов отца знаю, потому что сам уже не застал этого, до революции дело было: звали священника, староста брал куклу, девочкам давали маленьких куколочек или сами они делали, мальчикам обязательно давали коня, и вся деревня обходила вокруг поля с этой куклой-Берегиней. У солнца просили тепла, у птиц просили дождя, потому что птица – это символ неба. А сама кукла – мать-сыра земля, она всё даёт, всё рождает, поэтому у земли просили хорошего урожая. Когда обходили поле, начинался сев, пахали, сеяли. На такие праздники, как Флора и Лавра, всегда делали коня. И в этот день давали детям покататься на коне, чтобы ты потом ещё ухаживал за конём: если покатался, пойдти травки нарви, покорми, щёточку давали, воды – помой. Так приучали крестьянских детей к жизни, к работе, к земле, к деревне. Это было настоящее правило жизни крестьянина.

– Значит, эти игрушки были чем-то большим, чем обучение навыкам. Видимо, эти игрушки были и покровителями. Вы говорите, что когда делаете игрушку, испытываете удовольствие и добро. Значит, эта игрушка служила самому разному благу: и материальному, и духовному. Стало быть, в ней эта сила есть.

– Обязательно. Поэтому были игрушки, которые знакомили детей с животными лесными, домашними. Но были игрушки праздников. Например, фигурки, изображающие катание на лодочках, катание на санях – это праздничная игрушка, к празднику всегда такие весёлые игрушки делали.

– А печальных игрушек нет?

– Нет, печальных нет.

– А глину где вы берёте? Вы сами её выбираете?

– Да, сам. Раньше в своей деревне брали глину. Чёрная земля снималась, потом шла жирная глина, потом уже с песочком. Так вот слой – между чёрной землёй и известняком – брали. Из жирной глины делали игрушки.

– У вас какие-то места сокровенные есть, где глину берёте?

– Мы нашли около Каргополя, в трёх километрах, глину, там и берём сейчас.

– Какая обработка глины идёт, прежде чем лепку начать?

– Её надо выморозить или высушить, потом заливают кипятком в деревянном корыте, и теслом мешают. Сейчас на тестомешалке делаем.

– Месят её для чего, она какое-то новое свойство обретает?

– Когда мешаешь, все маленькие крупиночки растворяются и соединяются в общую массу, как пластилин. Для игрушек замешиваем погуще, для посуды – помягче.

– А вам безразлично, когда лепить – утром, днём, вечером, ночью?

– Да хоть ночью. В любое время игрушку делать – радость.

– Я был в Плесецке, где пускают ракеты. Тоже игрушки, только большие и грозные. Но все, кто эти ракеты делает и испытывает, вкладывают в них глубокие внутренние чувства, и даже не расскажешь, какие. У кого-то радость, у кого-то – поминание отца, у кого-то – горе, у кого-то – ликование. И это всё идёт в эту машину. На пусках нет недоброжелательных людей, пуск должен проходить с добром. И я уверен, что все эти генеральные конструкторы, лауреаты премий, герои – они перед пуском колдуют – что-то бормочут, этой ракете говорят: “Ну, милая, давай, взлетай,

если взлетишь хорошо и пролетишь, я тебе шоколадку куплю”. А когда вы лепите эти игрушки, с ними разговариваете?

— Я мысленно всегда вспоминаю деревню, своих родителей, вспоминаю ту жизнь, которая сформировала меня. И я сравниваю современную жизнь с той, и нахожу и в этой жизни хорошее, и в той. Если бы объединить старую и новую жизнь, чтобы люди друг к другу шли навстречу, было бы хорошо. Современные люди должны понимать тех людей, которые уже ушли от нас. Они унесли много знаний, много добра унесли. Надо это вернуть в нашу жизнь, тогда мы бы все стали добрее. Тогда бы и в городах, и в деревнях, и в России люди бы по-другому жили, не стали бы разобщаться. Потому что сейчас мы не ходим в гости, редко по крайней мере. А в деревне раньше придёшь к бабушке в гости на праздник — там столько людей! Из всех деревень приходят, а потом вечером все вповалку на полу спят, на шубах, кто на чём. Следующий праздник в другой деревне — туда все пошли. Сейчас такого нет. Может быть, это и не надо, но в какой-то другой форме всё равно должно быть общение: какие-то клубы, чаепития...

Приезжают, к примеру, туристы из Москвы, других городов, в “Берегине” покупают игрушку, в музей приходят на выставку, и никто из приезжих людей не сказал: ой, вы тут занимаетесь всякой ерундой. Все говорят: каргопольская игрушка, какая она красивая, какая добрая... И покупают, не жалея денег. Если мы играли с игрушкой, то сейчас её берегут, ставят в сервант. Детям показывают, но играть не дают. Хотя у некоторых родителей дети играют.

— **Вы верующий человек? В церковь ходите?**

— В церковь постоянно не хожу, но без веры русской как же? Без веры жить нельзя. Вера — это наша жизнь, вера — это наша земля, вера — это наш космос. И я преклоняюсь перед Богом и перед всеми людьми, которые веруют. Уважаю людей, которые служат вере.

— **Во время литургии в храме происходит превращение хлеба в тело Господне, вина — в кровь Господню. Это таинство, мистическое действие. То есть под воздействием молитв, славословий, определённых обрядов происходит преобразование одного вещества в другое, простого, обывного — в святое, в священное. А вот вы слепите игрушку, потом должны её обжечь. Значит, вы её ставите в огонь. И в эту игрушку начинает втекать огненная сила, огненное тепло. Игрушка проходит преобразование. Она меняется, наполняется огнём. В этих игрушках живёт огонь. Вы чувствуете, что происходит такое таинство?**

— Да, чувствую. Наверное, видели, как мятнички делают: берут ниточку, на неё гаечку привязывают. Я, например, заготовил глину свеженькую, принёс в мастерскую. Дети, что у меня занимаются, начинают лепить. Я подношу к глине гаечку на ниточке, она начинает качаться. Я говорю детям, что это идёт положительная энергия земли. Дальше они мнут глину до какой-то консистенции. И я снова проверяю у каждого глину. И оказывается, эта гаечка начинает “минусовать”. Я думаю: надо же! Отрицательная энергия. Такую игрушку мы будем дарить людям, продавать! Что это такое? Я стал литературу смотреть, и оказалось, что мы как бы взяли положительную энергию от земли, отдали отрицательную энергию.

— **В игрушку?**

— Отдали в глину. Игрушка постояла, я снова замерил гаечкой — чуть-чуть крутится. Когда игрушку положили в печку, и она хватанула огня, стала красная — ещё сильнее гаечка после этого закрутилась. И я тогда вздохнул с облегчением, что действительно мы делаем игрушку с положительной энергетикой.

— **Значит, огонь как бы выдавливает из глины всю беду.**

— Всё сгорает, да. Огонь всё уничтожает.

— **И наполняет игрушку светом, силой, теплом?**

— Да.

— **Значит, это третья стадия. Первая стадия — вы готовите глину. Это своеобразное таинство, мистерия. Вы её замешиваете, как тесто, — словно хлеб готовите. Вторая стадия — вы начинаете лепить, и во время этих скульптурных работ вы в игрушку вкладываете своё тепло, энергию, печали, огорчения, их впитывает глина, параллельно вы наполнены мечтаниями и воспоминаниями о своей жизни. Третья стадия — вы ставите игрушку в печь, в обжиг, из неё улетучивается всё дурное,**

злое, и она становится светоносной. Последняя стадия – раскрашивание. А что в это время происходит?

– В это время возникают эмоции, которые мы берём у природы. Потому что на игрушках не просто рисунки: вот захотел там зелёную линию провести и провёл. Нет! Существуют традиции с древних времён.

Здесь у нас обнаруживают стоянки древнего человека. Тогда делали из глины посуду. Когда находим эти древние черепочки, осколки посуды, то на них – крестики, линии, зигзаги, лепесточки. Оказалось, что и на игрушке – то же самое. То есть это всё оттуда дошло до наших времён. А крестьяне переняли. Например, проведена волнистая линия. Искусствоведы говорят, что она символизирует воду. Прямая линия – это колоски. Вот крестьянин жил, смотрел, любовался природой и хотел – не хотел, но интуитивно внёс эти узоры – чем жил, что видел. В условной форме. Человек передаёт условно, через игрушку, то состояние природы, которое впитал. Например, здесь у нас роз не было, их потому никогда не рисовали. А если на Украине розы растут, там и изделия под розы расписаны.

– При раскрашивании в игрушку как бы помещается всё природное мироздание? Цвета воды, весны, солнца, снега, и всё это носит строго символический характер, разброса здесь быть не может? Или есть какая-то вольность?

– Если не знать традиций – тогда вольность. Нашу игрушку уже в Москве делают, там они могут этого всего и не знать. Потому там – вольность. Я как-то приехал в Петербург, зашёл в один салон, там стоят мои буклеты, продаётся игрушка. Я спросил: чья это игрушка? Мне сказали: это Шевелёва Валентина игрушка. Я говорю: не моя игрушка-то. И роспись не моя, и сделано не так. В результате выяснили, что это студенты делают, подрабатывают. Я говорю, пожалуйста, пускай делают, только не подписывают моим именем. У них узоры уже городского типа. Кто из деревни – там одно, а кто в городе воспитывался – совершенно другое передаётся в игрушке. Местность, где ты живёшь, ту и передаёшь.

– А если ваших китоврасов увеличить в размерах и поставить вместо Петра Первого на Сенатской площади, смотреться будет?

– А как же! У меня есть большие работы.

– С сохранением всей этой пластики?

– Да. Вот точно так же всё делаем. И в “Берегине” мастерица кукол делает больших. И Полкана делаем. Я могу объяснить вам, что такое Полкан.

Как я помню, в деревне делали не такого Полкана. Делали так: голова человека, а рук не делали. А когда уже никто не лепил игрушек, Ульяна Бабкина делала игрушечки, свистульки, и у неё брали работы на выставки. И искусствоведы ей намекнули: “Ульяна Ивановна, а нельзя ли вот так и так сделать?” Она сразу раз, раз – и сделала. Спрашивают: “Ульяна Ивановна, а кто это такой получился?” Она смотрит в окно, а там собака бежит, зовут Полканом. И отвечает: “Полкан. Это значит – половина коня, половина человека”.

Может, немножко и не так было, но легенда такая по Каргополю ходит. И я иногда пользуюсь этой легендой. Потом спрашивают: “А что это в руке?” Она говорит: “Он камень шибает”. Шибает – это “кидает” по-деревенски. “Так значит, он – защитник земли русской”. А когда она нарисовала потом солнце жёлтенькое, крестик, кружочек, сказали: “Так это же бог Ярило!” Вот так легенды рождаются. И всё время прибавляется к Полкану какое-то новое значение. Теперь уже говорят, что конь – это сила, человек – разум. О Полкане пошло столько легенд! И искусствоведы придумывают, и народ. Народ – самый умный: уж придумает так придумает! А потом Полканиха появилась и так далее.

– А давайте попросим губернатора Игоря Анатольевича Орлова, чтобы он на набережной в Архангельске установил памятник каргопольской игрушке. Отлить, наверное, придётся из бронзы – глина не выдержит ветра, дождя.

– Я, между прочим, прежнему губернатору дарил Полкана и сказал, что это защитник земли архангельской. А искусствоведы, которые приезжали к Ульяне Бабкиной, потом выставку делали и слепили из снега большого Полкана. Так что это тоже символ города. И ещё символом города является ворона.

– Что она символизирует?

– Символизирует птицу счастья. Вот я сижу у окна как-то, леплю игрушку-куклу. Уже почти слепил, смотрю в окно, там отбросы выкинул кто-то, прилетели вороны – прыгают, веселятся. Я думаю: надо же, ворона! Тут же я глину смял и сделал ворону. А мама уже в Каргополе, недалеко от меня, жила. Я к ней прихожу, говорю: “Мама, я придумал новую игрушку”. А она сама всегда что-то новое придумывала. “Какую?” Говорю, ворону. “Ай, – говорит, – мы весь свой век лепили ворон, у нас в деревне считалось, что это птица счастья”.

А когда я на выставку приехал с вороной, у меня спрашивают: что это такое? Говорю: птица счастья, ворона. Кар-го-поль. “Кар” – это карга, “поль” – это поле. А так – воронье поле. Так это символ Каргополя!

– **Есть некая тайна. Вот есть семёновские резные матрёшки, расписные – Полх-Майдана, и коняшки там есть, есть вятская игрушка. А Каргополь родил свою игрушку, особенную. Как вы думаете, почему в Каргополе могла такая игрушка родиться? Это случайно, или в этом есть какое-то предзнаменование? Почему каргопольская земля и глина вдруг превратилась в такое чудо?**

– По реке Онеге и озеру Лаче жили древние племена, у них посуда была сделана из глины. Они на костре готовили, и посуда там без ровного доньшка была – они ставили её в песок. И каждое племя, каждый род наносил свои узоры. Они отличались, как и деревни сейчас: разные ставни, разная одежда. Так и у них тоже – разные узоры. Они это всё брали от природы. А глина и за три тысячи с половиной лет до нашей эры существовала здесь, в Каргополе. Потом вместо их жилищ деревни появляться стали, появилась посуда уже с плоскими доньшками, потому что столы были, надо было на них ставить, затем потребовалось кушаний побольше, разные лоточки стали делать. А также игрушку из кремня и из глины. Потом появились краски, раскрашивать начали. Это всё постепенно развивалось, пока не дошло до Полкана и до Тройки – композиции праздничной. Игрушка существовала здесь издавна, а не возникла в один миг. Это наша исконная традиционная игрушка с древних времён.

– **Вы художник. А все художники – фантазёры. Они всё время фантазируют, всё время у них образы живут, в них непрерывно идёт духовное движение. И все художники – мечтатели. И в каком-то смысле они сказочники. А в чём северная каргопольская мечта? Какой заоблачной мечтой живёт каргопольский человек? Художник, рыбак или крестьянин?**

– Если делали игрушку на праздник – в возочке, в бричке с гармошками – это и была мечта о хорошей, доброй и красивой жизни! А что такое хорошая жизнь? Это дружба. В деревне – с соседом дружба. Дружба с городами, с природой. И дружба вообще целого государства. Каждый человек за государство болеет. Если сейчас что-то нехорошее творится, на Россию начинают пенять, мы все же переживаем.

У нас в Каргополе идут в школах уроки по игрушке, и в педучилище студенты её делают. Затем закончивших училище отправляют работать по месту назначения, и они развозят игрушку по всем городам. То есть несут радость. Меня как-то пригласили в Москву в педагогический университет со студентами мастер-класс провести, мы лепили игрушку. И я спросил: что такое игрушка? Мне ответили: игрушка – это мечта о нашей хорошей жизни.

– **Прекрасно. Значит, каргопольская мечта – это мечта о дружбе.**

ЗАВОД-ГОСУДАРСТВО

Беседуют Александр Проханов и генеральный директор АО “ПО “Севмаш” Михаил Будниченко

– **Михаил Анатольевич, вспоминаю, как я побывал на вашем заводе впервые. Это был тяжёлый период, но завод уже выкарабкивался из беды девяностых годов. И тогдашний директор Владимир Павлович Пастухов рассказывал о том, какая катастрофа была здесь в 90-е годы. Когда рабочие своих голодных детей сюда, на режимное предприятие, водили кормить. У людей не было веры, погибала вся индустрия.**

И мне показалось, что совершенно новый период у предприятия начался с появлением реального заказа на лодки “Борей”: завод перешагнул через “чёрную дыру”, и период этой беды завода кончился.

– Первый корабль данного проекта был заложен ещё нашим легендарным директором Давидом Гусейновичем Пашаевым. И все те смутные времена корабль стоял на стапеле, поскольку не было финансирования. Только представьте, Александр Андреевич: госзаказ тогда равнялся месячной зарплате завода. Не было денег, что определяло и долгострой, и проблемы завода в части финансовой, в части зарплаты коллектива, да и всего остального. И вы абсолютно правы: когда был дан госзаказ на лодки этого класса, начали финансироваться проекты, завод воспрял, пошла постройка кораблей. Это произошло в период первого президентства Владимира Владимировича Путина. До этого почти десять лет шёл развал предприятия, и это действительно была катастрофа. Тогда из 46 тысяч человек коллектива осталось тысяч 20. А сейчас у нас работает уже 28,5 тысячи человек, и мы ещё набираем людей на работу. В этом году стоит задача довести численность работающих до 30 тысяч человек, что должно обеспечить выполнение Государственной программы вооружения.

– **А как завод переходил на новый режим работы? Проблема была только в деньгах, в финансировании? Или же это вопрос и полной модернизации, организации производства, вопрос создания нового поколения рабочих? Ведь такой переход – это целая эпопея.**

– Вы правы. В период этого безвременья старые рабочие уходили, новые кадры не набирались, и произошла частичная потеря опыта, который должен передаваться от более опытного специалиста к менее опытному – в этом смысл системы наставничества, обучения. И этому ни в какой школе не научат, этот опыт должен передаваться непосредственно на производстве. Нам, однако, удалось в эти годы сохранить костяк опытного профессионального коллектива. И мы к тому же сохранили все технологии.

– **В основном на предприятии оставались старые рабочие?**

– Да. А когда началось финансирование, мы очень много молодёжи набрали и продолжаем набирать: 2,5 тысячи человек в год. А поскольку происходит естественная убыль в связи с уходом людей на пенсию или переходом на другую работу, то в итоге на 1,5 тысячи человек за последние шесть лет коллектив растёт каждый год. Молодёжь обучают опытные кадры. Это определённые сложности создаёт, потому что больше брака получается, меньше выработка у человека, пока он учится, – года два-три. Тем не менее, сегодня коллектив сильный, грамотный, умный, обеспечивается преемственностью. И с теми задачами, которые поставили нам Верховный главнокомандующий, министр обороны, главком ВМФ, мы справляемся. Нет сомнений, что мы программу выполним.

– **Вы счастливы, что в три смены работаете, нагрузка огромная?**

– После того, что мы испытали в кризисные 90-е годы, лучше пусть ругают, что не вовремя ты что-то сделал, чем сидеть без работы. Конечно, радуется объём работы. И город ожил вместе с заводом. Вы же сами видели, сколько в городе машин, жильё строится, проходит масса мероприятий – спортивных, культурных. У нас на заводе за пять лет зарплата выросла в два раза: на сегодня средний заработок – около 70 тысяч. И люди довольны.

– **Но согласитесь, что работа работе рознь. Может быть, в автосервисе и больше получают, однако строить такие корабли, как строите вы на вашем заводе, или ремонтировать битый джип в автосервисе – это не одно и то же, это рождает разные эмоции у человека.**

– Александр Андреевич, в 2012 году, когда я стал директором, у нас зарплата составляла 28 тысяч рублей. Это было совершенно нетерпимо, и люди с завода уходили. Сегодня она выше, чем средняя по Архангельской области, выше, чем средняя по Северодвинску. Стало быть, здесь работать престижно – и в части зарплаты тоже. А что касается причастности к тому делу, которое мы делаем, профессионалу это, конечно, интересно. И есть чем гордиться. Человечеством не придумано ничего сложнее, чем атомная подводная лодка.

– **Мне кажется, что во всём этом есть и ещё одна человеческая эмоция. Её, может быть, трудно ухватить и сформулировать, но она связана с тем, что ваш завод является государствообразующим заводом. Не градообразующим, а именно государствообразующим.**

– Согласен.

– **Таких заводов в России не очень много: Уралвагонзавод, НПО “Энергия”, завод имени Чкалова в Новосибирске... И если бы не было**

вашего завода, не было бы и государства. С другой стороны, если бы не было такого государства, как Россия, не было бы и вашего завода.

— Конечно, всё связано. И это очень хорошо сформулировал Владимир Владимирович Путин в один из приездов на наш завод. В 2012 году на закладке корабля “Князь Владимир” он, выступая с трибуны, сказал, что вряд ли есть ещё хотя бы один завод в мире, который столько сделал для своей страны. Безусловно, оборона страны крайне важна. Мы видим, как нас “любят” везде. И быть сильными мы просто обязаны, чтобы наши дети росли свободно и чтобы мы не получили разного рода “оранжевые” события.

— **Лодки — это, прежде всего, оружие сдерживания. И появление этих лодок, непрерывность их появления от проекта к проекту, конечно, обеспечивает существование нашего государства, в своё время — советского и теперь — российского. Но кроме того, что эти лодки поставляют на наш общий российский стол блюдо под названием “безопасность”, само появление этих лодок меняет психологию людей. Я знаю это по себе, по моим друзьям, многие из которых унывают, отчаиваются, у них опускаются руки, они скептики, всем недовольны. А появление этих лодок возвращает людям повсюду в стране — в столице, в селе, в любой деревушке — ощущение огромного общерусского дела. Думаю, что ваш завод не только поставляет оружие, он поставляет и мышление, он поставляет идеологию. И это меняет атмосферу в стране в целом. Люди, абсолютно далёкие от вас и территориально, и производственно, они эмоционально участвуют в вашем деле. Они ликуют в моменты каждого нового спуска, жадно смотрят телевизор, радуются.**

— Бесспорно. Это и есть патриотизм. В 90-е годы не было у людей уверенности, и потому люди даже детей не рожали. А сегодня столько колясок в городе! Люди почувствовали, что здесь надёжно, есть работа на долгие годы, и стали создавать семьи, заводить детей.

И я бы отметил здесь два аспекта. Первый — это сопричастность к большому делу любого гражданина России, который является патриотом своей Родины. А второй — то, что наш корабль строит вся страна. Нам поставляют и материалы, и оборудование тысячи субподрядчиков — от Калининграда до Камчатки. Это общее большое дело: строит каждый корабль не только “Севмаш”, а вся страна.

— **В этом корабле собрано всё, чем богата страна: интеллект, умение, честность, способность жертвовать собой ради Родины. Я даже думаю, что в этом корабле присутствует Толстой, Достоевский, Рублёв, художники — это русское вековое мышление. Недаром вы сейчас лодки нарекаете именами князей, это княжеская серия: “Дмитрий Донской”, “Юрий Долгорукий”.**

— Конечно. Государство без истории — это не государство. И народ без истории — не народ. Какая у нас долгая славная история! Не как у некоторых, кому только пара-тройка сотен лет. И конечно, народ должен чувствовать сопричастность к большому делу. Родину надо любить, быть готовыми её защищать.

— **Но на ваш корабль двигаются иногда энергии, которые вы и не учитываете при создании корабля. Они входят помимо всех ваших цехов, подразделений, они пропитывают саму идею кораблей, которые вы строите.**

— Абсолютно с Вами согласен. Вообще, сам по себе корабль — это живое существо. Это не груда металла. У каждого свой характер, к каждому свой подход нужен. Мы строим корабль, а потом отдаём флоту. И у кораблестроителей в этот момент — слёзы на глазах. К кораблю привыкают, как к ребёнку. Мы вывели его из цеха — это он родился. А потом его надо научить ходить, научить работать, действовать в той или иной обстановке... Процесс очень похож на взращивание человека. Ребёнок родился, и сначала его надо научить ходить, выучить, и только потом из него что-то получится. Здесь процесс — совершенно аналогичный.

— **А потом его надо на пенсию отправить. Тоже большая проблема.**

— Совершенно верно. Поэтому сейчас мы вместе с Минобороны подходим к концепции полного жизненного цикла корабля. Вот мы его построили, сдали флоту, закончили гарантию, провели сервис, провели первый заводской ремонт, второй. И после этого он должен утилизироваться.

– Это технологическая проблема. И это ещё и моральная проблема. Одно дело присутствовать при рождении корабля, а другое – прощаться с ним, закрывать ему глаза.

– Конечно, жалко. Корабли – они как люди. Но люди тоже уходят. И когда корабль отслужил положенные ему 40 лет, он утилизируется. Это естественный процесс: корабль, как и человек, честно отдал долг Родине, его нужно достойно проводить, определить для него место в музее. Это вызывает нормальные эмоции. Но когда в 90-е за американские деньги резали корабли с активной зоной, не выработавшей и 20 процентов, вырезали шахты на атомных лодках, когда резали живое – это уже совсем другие эмоции. Не дай Бог, чтобы ещё раз такое повторилось.

– Если это ещё раз повторится при моей жизни, я спокойно это не переживу, я возьму гранатомёт.

– Будем надеяться, что такое не случится.

– На вашей заводской территории – фрагменты Николо-Корельского монастыря, которому 600 лет. Вашим монастырём в каком-то смысле исторгнут ваш завод. Да, это были жестокие времена, но завод родился из одного из приделов, из одного из куполов этого храма.

– Александр Андреевич, когда выбирали место для такого завода-гиганта на Севере, рассматривали несколько мест. И когда Сталину показывали на карте наш вариант, он спросил: это что? Ему ответили – монастырь. Он сказал: “Будем строить здесь. Старые монахи знали, где строить”. И то, что здесь такой намоленный монастырь, сыграло свою роль в решении вопроса, где должен быть завод. И конечно, это огромный пласт нашей истории. Мы последние шесть лет, как могли, поддерживали оставшиеся здания монастыря. Сейчас принимаем меры к тому, чтобы монастырь восстановить. Купола сделали, отопление подали, часть построек законсервировали, чтобы не разрушались. Он работает как домовый храм, у нас есть священник. Недавно мы с губернатором Игорем Анатольевичем Орловым провели совещание, на котором присутствовал представитель президента по Северо-Западному округу. Приняли решение, что будем при правительстве области, при епархии, при заводе создавать Попечительский совет и Совет фонда, чтобы подготовить проект и реконструировать этот монастырь. Я думаю, через 5-6, может быть, через 10 лет его будет не узнать. Мы его восстановим в прежнем виде.

– Поскольку ваш завод является продолжением монастыря и связан с ним и территориально, и, видимо, глубинно, мистически, патриотически, то и лодки, которые стоят на рейде, они в каком-то смысле являются изделием монастыря, а не только завода. И поэтому ваши лодки, которые нарекаются именами князей (а многие из них – святые), они в определённом, может, поэтическом смысле являются нашими русскими монастырями, которые мы отправляем в пучину вод, чтобы там они несли не только службу по защите Отечества, но и чтобы славили Господа Бога.

– Да. И в самые тяжёлые времена Давид Гусейнович Пашаев любил говорить: “Бог “Севмаш” любит”. И действительно, несмотря на всё безвременье, какие бы провокации нам ни устраивали, завод выстоял, выжил, развивается, думаю, в том числе и потому, что здесь такой монастырь. Посмотрите: “Уралмаш” развалился, “Атоммаш” пропал, многие великие заводы, которые в войну эвакуировали за Урал, отстраивали всей страной, просто сгнули. А “Севмаш” стоит и работает.

– А что сейчас ждёт завод? Вы стоите накануне какого-то этапа или идёт плавная эволюция?

– Мы строим две серии – современные атомные подводные лодки. Переоборудуем, делаем модернизацию корабля проекта 11442М. И дальнейшей работой завод будет загружен на ближайшие 10 лет.

– Новый проект – это своеобразная встряска для завода.

– Любой головной корабль – это что-то новое. Это новые технологии, новое оборудование, новые требования. Мы готовимся, и у нас идёт мощнейшая реконструкция. Краны меняем, передаточный комплекс делаем. У нас на заводе 100 подразделений, 37 производств. И сегодня каждое из этих производств – без исключения – переоборудуется. И машиностроение, и металлургия, и корпусно-сдаточный, и корпусно-стапельный цех, и трубомедническое производство – всё реконструируется огромными темпами. Мы вложили в модернизацию около 30 миллиардов рублей и планируем вложить ещё.

Так что завод обновляется, зарплата растёт, люди к нам идут. У нас огромные социальные программы, лучший в России коллективный договор. Есть свои пансионаты в Адлере, в Евпатории. Нашим сотрудникам путёвка обходится в 30 процентов от цены, плюс бесплатная дорога. Пять тысяч наших тружеников каждый год в летний период могут отдохнуть практически бесплатно. Есть свой санаторий-профилакторий, где людей, имеющих профессиональные заболевания или какие-то показания, можно полечить. Свой дворец культуры, плавательный бассейн... Мы начали строить жильё. Уже четыре дома построили и передали городу. Каждый год будем сдавать по дому, до тех пор, пока все работники «Севмаша» не будут обеспечены жильём. В планах – строительство 50-метрового бассейна на нашем стадионе «Север», крытого футбольного стадиона. Планов очень много. Чем комфортнее будут условия и среда для людей, тем лучше все будут трудиться и тем лучше будут построенные корабли.

У нас свои радио, киностудия, теленовости «Вести Севмаша», журнал. Газета «Корабел» выходит.

– **Сейчас на устах журналистов, политиков слова, которые уже затрепали. Например, слово «рывок». Повсюду слышишь: «Рывок, рывок»... А я иду по своей дороге, спотыкаюсь о камень, или у меня на глазах расплывается какое-то здание. Какой уж тут рывок! А ведь то, что я увидел на вашем заводе, это рывок?**

– Нет, это эволюция. Никаких рывков! Всё плавно – от простого к более сложному, выше и дальше. Революции и рывки – это плохо. Эволюция лучше. Мы никаких рывков не делаем, мы планоно проводим модернизацию производства, подготовку под корабли пятого поколения.

– **Но тогда что значит – прорыв?**

– Прорыв – это когда надо что-то существенно поменять в один миг, поменять принципиально какую-то технологию.

– **Это и есть рывок?**

– Думаю, да. Но я не считаю, что это хорошо. Всё нужно делать планоно. Везде должна быть эволюция. Смена поколений и эволюция.

– **А вы чувствуете, как над нашими головами из лазурного неба снижается какое-то загадочное, жутковатое существо, имя которому – цифросфера? Цифровая экономика, цифровая реальность. Все говорят: цифра, цифра... А где она, эта цифра?**

– Она везде – цифра. Она сегодня – в системах управления кораблями, станками; компьютеры повсюду. Моей внучке шесть лет, и она лучше меня знает, что и как в этих устройствах действует. Это нормально, меня это не пугает. Должно вырасти поколение, которое будет с этим дружить, понимать эти вещи лучше нас.

– **Поколение цифры?**

– Конечно. Есть в этом плюсы, а есть минусы. Но с точки зрения технологии и прогресса это совершенно необходимо. Такой уж век.

– **Михаил Анатольевич, мы с вами любим не цифры, а слова. И поэтому я как писатель, владеющий словом, хочу высказать своё восхищение заводом, людьми, с которыми я общался, – с инженерами и с рабочими. Очаровательные молодые люди, с прекрасными, открытыми лицами.**

– Да, Александр Андреевич, какие лица у людей на заводе! Люди улыбаются. Все приветливы, никакой грубости. Добросердечие вообще отличает северян.

– **Просто удивительно! Иногда ирония лёгкая к тебе, когда спрашиваешь что-то. А он будто отвечает: «Ну, чего пристаёшь с пустяками? Я вон какие штуки гну! А ты своё гнёшь».**

– Хочу Вам на память вручить книгу «Севмаш – достояние России». Это действительно гордость нашей страны – такой завод.